

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.А. Толкачев

д.э.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

А.И. Анисимова

к.э.н., ассистент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ СДВИГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ КАК ОТВЕТ НА КРИЗИС НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

Аннотация. В статье предпринимается систематический анализ формирования и концептуального наполнения альтернативных экономических доктрин, которые получили институциональное оформление в странах континентальной Европы в ответ на кумулятивный эффект кризисных явлений, развернувшихся в период 2020–2025 гг. Эмпирическим фоном исследования выступает последовательное наложение трёх шоков: пандемийного, энергетического, а также логистико-инфляционного. Авторы исходят из гипотезы, что перечисленные события не просто временно дестабилизировали европейскую экономику, но инициировали глубокий пересмотр фундаментальных постулатов неоклассического мейнстрима — в частности, редукции экономической ценности к рыночной цене, представления о самодостаточности. Объектом исследования избраны три наиболее репрезентативных кейса: французская стратегия «экономики качества»; немецкая концепция «экономики общего блага»; скандинавская модель перехода от «государства всеобщего благосостояния» к «экономике благосостояния». Методологическую базу работы составляет сравнительный институциональный анализ, дополненный элементами экономической эпистемологии, что позволяет выявить не только различия в инструментарии, но и глубокие метатеоретические расхождения между рассматриваемыми доктринами и неоклассической парадигмой. На основе проведённого сравнительного анализа выделены метатеоретические основания каждой из трёх доктрин, а также предложена расширенная типология критериев оценки хозяйственных систем. В работе также эксплицируются риски, сопряжённые с реализацией этих доктрин, — в частности, потенциальная фрагментация единого рынка ЕС и развёртывание «субсидиарной гонки» между государствами-членами. Заключительный вывод статьи состоит в том, что в континентальной Европе сегодня происходит не просто смена набора инструментов экономической политики, но более фундаментальный сдвиг — смена парадигмальной оптики. Переход от максимизации ВВП к многомерному благополучию, от автоматизма рынков к их сознательному конструированию, от дисконтирования будущего к принципу предосторожности — эти тенденции, по мнению авторов, составляют содержание «тихой парадигмальной революции», последствия которой будут разворачиваться на протяжении ближайших десяти — пятнадцати лет.

Ключевые слова: экономика качества, общее благо, принцип предосторожности, *welfare ecomoty*, неоклассическая ортодоксия, институциональное конструирование.

JEL: B52, B59, P16, O52, O43

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_46_64

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

© С.А. Толкачев, А.И. Анисимова, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Толкачев С.А., Анисимова А.И. Доктринальные сдвиги экономической политики стран континентальной Европы как ответ на кризис неоклассической парадигмы экономической теории // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 46–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_46_64.

FOR CITATION: Tolkachev S., Anisimova A. Doctrinal Shifts in Economic Policy in Continental Europe As a Response to the Crisis of the Neoclassical Paradigm of Economic Theory // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 46–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_46_64.

Введение

Современный этап развития европейской экономической мысли ознаменован переосмотром фундаментальных принципов организации хозяйственной жизни. Этот переосмотр спровоцирован серией взаимосвязанных кризисов, обрушившихся на Европейский союз после 2020 г.: пандемия, энергетический кризис, вызванный геополитической напряженностью, и последующая фрагментация глобальных цепочек поставок поставили под сомнение состоятельность модели, которая на протяжении трёх предшествующих десятилетий опиралась на открытость рынков, свободное движение капитала и углубление интеграции [ETUC, 2025].

Данный кризис доктринальных устоев либерального глобализма [Заостровцев, 2025] не получает адекватного отражения в ортодоксальной неолиберальной экономической теории, хотя является предметом бурного обсуждения как в общественно-политической печати, так и в теоретических источниках. Эти дискуссии имеют уже длительную историю, поскольку выделяется третий этап кризиса «экономикс» [Худокормов, 2025]. Углубление данного кризиса сегодня на фоне смены мирохозяйственного уклада [Толкачев, 2025] совершенно очевидно, доказательством чего является широчайший спектр трактовок как современного состояния науки, так и причин самого кризиса. С одной стороны, экономикс рассматривается как несуществующая актуальная реальность или симулякр, подобный политической экономии социализма [Ореховский, Разумов, 2025]. С другой стороны, выдвигается расширительная версия современной политической экономии [Левин, Саблин, 2025] как возможной альтернативы экономикс.

Несмотря на то, что подвергается сомнению сама идея о формировании новой парадигмы экономической теории в ответ на изменения мирового экономического порядка [Тамбовцев, 2025], неизбежность смены парадигмы обосновывается вне связи с мирохозяйственными процессами [Балацкий, 2025].

В данной статье мы рассмотрим, насколько новейшие доктринальные установки экономического развития, обсуждаемые в странах Европы, соответствуют базовым основам неоклассической теории.

В экспертном и политическом дискурсе всё чаще звучит тезис об исчерпании потенциала традиционной модели развития, ориентированной исключительно на максимизацию темпов роста ВВП. За внешне благополучными макроэкономическими агрегатами, как свидетельствуют материалы Европейской конфедерации профсоюзов, скрываются структурные диспропорции: отставание темпов роста реальной заработной платы от динамики производительности труда, снижение доступности жилья, сокращение доли труда в ВВП. Указанные процессы, подчёркивается в документах, не являются неизбежным следствием объективных экономических закономерностей, а заключаются в институциональном ослаблении системы коллективных переговоров и финансиализации корпоративного сектора [ETUC, 2025].

К этим вызовам добавляется проблема стагнации производительности, принявшая в большинстве стран ЕС хронический характер. Согласно оценкам Международного

валютного фонда, европейские производственные кластеры демонстрируют лишь около двух третей эффективности американских аналогов в части трансформации эффекта масштаба в рост производительности, что во многом обусловлено сохраняющимися внутриевропейскими барьерами и фрагментированностью рынков капитала [Kammer, 2025]. Дополнительное давление создают демографические тенденции: по прогнозам, к 2050 г. более двух третей стран ЕС столкнутся с сокращением численности трудоспособного населения, что повышает риски для устойчивости систем социальной защиты и пенсионного обеспечения [Regional Economic Outlook..., 2025].

Формирование новых альтернативных доктрин разворачивается на фоне более масштабной ревизии парадигмы экономической политики на наднациональном уровне. Согласно аналитическим материалам центра «Think Tank EUROPA», в последние годы Европейская комиссия сместила акценты с роста производительности в сторону устойчивости и стабильности (*resilience and stability*), что проявилось в либерализации правил государственной помощи, допущении национальных субсидий для поддержки стратегических отраслей и концентрации усилий на обеспечении доступа к критическому сырью и фармацевтике [Torslov, Foss, 2026]. Одновременно, как подчёркивается в источниках, подобная политика несёт в себе риск фрагментации единого рынка и развёртывания «субсидиарной гонки» между государствами-членами [Ibid, 2026].

Эти процессы обрели процессуальное институциональное воплощение в концепциях, опирающихся на национальные традиции хозяйственного регулирования. Во Франции речь идёт о ренессансе индикативного планирования в рамках стратегии «France 2030» и о теоретической разработке экономики качества (*économie de la qualité*); в Германии — о развитии идей экономики общего блага (*Gemeinwohl-Ökonomie*) и принципа предосторожности (*Vorsorgeprinzip*); в скандинавских странах — о трансформации классической модели государства всеобщего благосостояния в сторону экономики благосостояния (*welfare economy*). Несмотря на национальную специфику, данные подходы объединяет критика неоклассической ортодоксии, признаваемой недостаточно релевантной для осмысления механизмов социально-экономической координации в условиях высокой неопределённости.

Континентальная Европа: левоцентристский спектр альтернативных экономических доктрин

В континентальной Европе формирование альтернативных неоклассическому мейнстриму экономических концепций имеет более длительную историческую традицию, нежели в британско-ирландском регионе, и отличается большей степенью институциональной укоренённости в национальных правовых системах и политических культурах. В отличие от Великобритании, где доминирует англосаксонская модель рыночного капитализма с минимальным государственным вмешательством, континентальные страны сохранили намного более существенные элементы дирижизма, социального партнёрства и публично-правового регулирования экономики, которые в условиях посткризисной волатильности получают новое теоретическое осмысление и политическое оформление.

Франция: экономика качества и экологическое планирование

Французская традиция экономического регулирования исторически характеризуется высокой степенью государственного участия и вниманием к вопросам качества продукции как институциональной проблемы. Как отмечается в исследовании, посвящённом французской экономике качества (*économie de la qualité*) [Karpik, 1989], уже в период Кольбера (1660–1750 гг.) была сформирована система государственного регулирования,

которая гарантировала качество в большей степени, чем цены, т. е. делала акцент на стандартизации производственных процессов и борьбе с фальсификациями, а не на ценовом регулировании [Jany-Catrice, 2025]. Эта историческая традиция нашла своё продолжение в современной французской экономической политике, где концепция качества рассматривается не как техническая характеристика товаров, а как фундаментальный принцип организации экономической деятельности.

Современная французская дискуссия об экономике качества базируется на теоретических разработках школы экономики конвенций (соглашений) (*économie des conventions*), представленной работами Л. Тевено и Л. Болтански [Boltanski, Thévenot, 2006]. Согласно этому подходу, экономические агенты действуют не в безличной ценовой среде, а в пространстве множественных «миров» (промышленного, рыночного, гражданского, экологического и др.), где качество благ и услуг не является экзогенно заданным параметром, а конструируется в процессе координации между производителями, потребителями и регуляторами [Jany-Catrice, 2025]. Данная теоретическая рамка позволяет объяснить, почему во французской экономической политике значительное место занимают механизмы сертификации, стандартизации и коллективной оценки, которые не сводятся к рыночной конкуренции и ценовым сигналам.

Эмпирическое подтверждение значимости неценовых факторов конкурентоспособности содержится в совместном исследовании Rexecode и SKEMA Business School (2025), посвящённом позиционированию французских экспортных товаров на европейских рынках. Согласно опросу 480 импортёров из шести европейских стран, французские промышленные товары демонстрируют высокие показатели по критериям «воспринимаемого качества», «дизайна» и «узнаваемости бренда», однако страдают от завышенных цен [Ferrara, Redoulès, 2025]. Как отмечает Лоран Феррара, ординарный профессор в области международной экономики бизнес-школы SKEMA, «конкурентоспособность не может основываться исключительно на цене. Воспринимаемое качество, технологические инновации и доверие к продукту являются истинными долгосрочными дифференциаторами» [Ibid. P. 1].

Исследование выявляет значительные секторальные различия: в сегменте электрического и электронного оборудования Франция занимает первое место в мире по соотношению цены и качества [Ibid]. В условиях усиления протекционистских мер, как подчёркивает Оливье Реддуле, директор исследований Rexecode, «неценовая конкурентоспособность является ключевым фактором устойчивости нашего экспорта» [Ibid].

Параллельно с развитием концепции экономики качества во французской экономической политике наблюдается возрождение интереса к индикативному планированию в рамках стратегии «France 2030». Данная инициатива, запущенная правительством Франции, представляет собой инвестиционный план, направленный на структурную трансформацию ключевых секторов экономики в русле декарбонизации. В отличие от неоклассической модели, где государство выполняет лишь корректирующую функцию в случае провалов рынка, французский подход предполагает активную промышленную политику, направленную на формирование «национальных чемпионов» в стратегических секторах (полупроводники, водородная энергетика, здравоохранение) и целенаправленное перераспределение ресурсов в пользу экологического перехода [France 2030, 2024].

Германия: экономика общего блага и принцип предосторожности

В немецкой традиции центральное место занимают две взаимосвязанные концепции: *Gemeinwohl-Ökonomie* (экономика общего блага) и *Vorsorgeprinzip* (принцип предосторожности). Обе эти доктрины укоренены в немецкой правовой и политической культуре, характеризующейся высокой степенью институционализации социальных и экологических стандартов.

Концепция экономики общего блага, разработанная Кристианом Фелбером, представляет собой наиболее радикальную альтернативу неоклассической парадигме, предлагая заменить максимизацию прибыли и конкуренцию в качестве целевой функции предприятия на показатели, отражающие вклад в общественное благосостояние. Как отмечается в материалах региональной группы «Экономика общего блага» Кёльн-Бонн, «альтернатива нынешней экономической модели — это устойчивая экономическая культура, основанная на человеческом достоинстве, экологической ответственности, солидарности, социальной справедливости, демократическом соучастии и прозрачности» [*Bonn — Rundum nachhaltig*, 2025. Р. 1].

Система оценки в рамках экономики общего блага предполагает внедрение показателя «общего блага — баланса» (*Gemeinwohl-Bilanz*), который служит для классификации и анализа критериев устойчивости. Как указывается в описании концепции, «чем лучше приверженность общему благу, тем выше балл. Экономика общего блага требует, чтобы компании или организации, имеющие лучший баланс, получали льготы — в виде налогов, кредитов или надбавок на государственные закупки» [*Ibid*, 2025. Р. 1]. С 2010 г. эта идея распространилась примерно в 30 странах, где действует более 250 региональных групп [*Ibid*, 2025].

Практическая реализация принципов экономики общего блага на муниципальном уровне демонстрируется примером города Ахен. Управление недвижимостью города Ахен стало первым в Германии муниципальным подразделением, сертифицированным в соответствии с принципами экономики общего блага [*Gemeinwohl-Ökonomie...*, 2025]. Как отмечается в официальном сообщении, для организации «работа по принципу экономики общего блага означает не только измерение экономического успеха, но и вклад в социальную справедливость, экологическую устойчивость и соучастие» [*Ibid*. Р. 1].

Принцип предосторожности (*Vorsorgeprinzip*) имеет более глубокие исторические корни и юридическую институционализацию, восходящую к немецкому экологическому законодательству 1970-х гг. Как отмечает Йоаким Зандер в исследовании, опубликованном Cambridge University Press, «первоначально разработанный в Германии, принцип предосторожности достиг зрелости на европейском уровне только за последние десять-пятнадцать лет» [*Zander*, 2010. Р. 76]. Зандер подчеркивает, что «оригинальный немецкий *Vorsorgeprinzip* интерпретируется как высоко идеологический политический инструмент с более широким и сложным охватом, чем принцип предосторожности, обычно обсуждаемый в современной литературе и международных торговых конфликтах» [*Ibid*].

Цель оригинальной концепции, согласно анализу Зандера, «отвечать на обеспокоенность немецкого общества по поводу рисков, присущих современному обществу, и быть частью более широкой идеологии, которую иногда называли «экологической модернизацией»» [*Ibid*. Р. 77]. В 1990-е гг. привлекательность принципа предосторожности резко возросла среди европейских граждан, а также избираемых политиков и лиц, определяющих политику, особенно в сферах здравоохранения и защиты прав потребителей [*Ibid*].

Принцип предосторожности был закреплён в статье 20а Основного закона ФРГ, а также в статье 191 Договора о функционировании Европейского Союза. В недавнем диссертационном исследовании Нико Халькенхойзера предлагается детальный анализ принципа предосторожности в праве Европейского союза. Как указывается в аннотации работы, «исследование направлено на выявление (всеобъемлющей) сферы применения, а также условий и последствий принципа», а также «балансировку принципов между предосторожностью и пропорциональностью» [*Halkenhäuser*, 2025. Р. 1].

Халькенхойзер разрабатывает оригинальную концепцию, согласно которой «принцип предосторожности ведёт не к переносу бремени доказательства, а к снижению стандарта доказывания» [*Ibid*. Р. 1]. В балансе с принципом пропорциональности исследователь показывает, что ни окружающая среда, ни здоровье человека не пользуются

абсолютным приоритетом перед конфликтующими ценностями [Ibid]. Особое внимание в работе уделяется критическому анализу «проблемы риск-риск-трейдофф» в контексте «глобального» балансирования, осуществляемого Судом Европейского союза [Ibid].

Принцип предосторожности находит своё практическое воплощение в немецкой экологической политике, где он рассматривается не как техническая норма, а как самостоятельный правовой и этический принцип, регулирующий принятие решений в условиях неопределённости. Как отмечает Соня Бёмер-Кристиансен в исследовании, опубликованном Taylor & Francis, «в начале 1990-х годов *Vorsorge* стал принципом, который не только поддерживает требования строгой защиты окружающей среды, но и способствует устойчивому развитию» [Boehmer-Christiansen, 2013. P. 31].

Анализ французских и немецких альтернативных экономических доктрин позволяет выделить несколько общих характеристик, объединяющих эти подходы и отличающих их от неоклассической ортодоксии.

Во-первых, обе традиции разделяют *критику редукции экономической ценности к цене*. Французская экономика качества и немецкая экономика общего блага исходят из предпосылки, что ценность экономических благ не может быть сведена к рыночной цене, но включает качественные характеристики, социальные и экологические аспекты, которые требуют коллективного определения и институционального обеспечения.

Во-вторых, для этих подходов характерно *признание активной роли государства в формировании рынков*. В отличие от неоклассической модели, где государство выступает лишь «ночным сторожем» и регулятором провалов рынка, французская традиция планирования и немецкая система экологического регулирования предполагают активное участие государства в стандартизации, сертификации и создании институциональных условий для координации взаимодействия стейкхолдеров.

В-третьих, эти концепции объединяет *приоритет предосторожности и устойчивости над сиюминутной экономической выгодой*. Принцип предосторожности, закреплённый в немецком и европейском праве, требует превентивного вмешательства при отсутствии полной определённости ситуации, когда в ней сохраняется риск серьёзного или необратимого ущерба.

В-четвёртых, для рассмотренных доктрин характерно *понимание экономики как социально сконструированной институциональной формы*, а не естественного механизма. Французская экономика конвенций и немецкая традиция ордолиберализма (с её акцентом на роль государства в создании «рамочного порядка») разделяют представление о том, что рынки функционируют лишь постольку, поскольку они встроены в систему норм, правил и коллективных представлений.

Наконец, важной общей чертой является *институционализация альтернативных критериев успеха*. Во Франции это выражается в стратегии «France 2030» с её фокусом на декарбонизацию и технологический суверенитет; в Германии — в системе сертификации «общего блага — баланса», которая предлагает альтернативные показатели эффективности для предприятий и муниципалитетов.

Скандинавский контекст: от *welfare state* к *welfare economy*

Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия) также вносят значительный вклад в развитие альтернативных экономических доктрин. Эти страны традиционно рассматриваются в мировой экономической литературе как образец сочетания высокой экономической эффективности и развитой системы социальной защиты. Классическая работа Г. Эспинга-Андерсена, опубликованная ещё в 1990-е гг., закрепила за скандинавской моделью репутацию институционального устройства, способного минимизировать последствия социально-экономического неравенства через универсалистские публичные услуги [Esping-Andersen, 1990; Esping-Andersen, 1999; Raphael,

[Hinton, Paulsson et al., 2024]. Однако на протяжении последнего десятилетия всё более отчётливо проявляется парадокс, с которым сталкивается эта модель: высокие социальные стандарты достигаются ценой устойчивой зависимости от экономического роста, что вступает в противоречие с требованиями экологической устойчивости [Raphael, Hinton, Paulsson et al., 2024].

Именно этот внутренний конфликт — между социальной эффективностью модели и её экологической ценой — подталкивает скандинавские страны к пересмотру базовых принципов организации хозяйственной жизни. Речь идёт о переходе от классического «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*), построенного на логике компенсации и перераспределения, к «экономике благосостояния» (*welfare economy*) — концепции, которая интегрирует цели человеческого и планетарного благополучия непосредственно в процесс принятия экономических решений. Как показывает исследовательская группа INVEST при Университете Турку, традиционная модель социального государства опирается на компенсаторную логику: она предоставляет поддержку тогда, когда люди сталкиваются с трудностями, используя такие инструменты, как пособия по безработице или системы медицинского страхования [Beyond the Nordic Welfare State, 2026; Raphael, Hinton, Paulsson et al., 2024]. Предлагаемая взамен модель сдвигает фокус с пассивной компенсации на проактивное предотвращение социальных рисков, сочетая долгосрочные инвестиции в человеческий капитал с адресными интервенциями, направленными на решение конкретных проблем. Как формулируют исследователи, логика остаётся той же — общество обеспечивает защиту при наступлении неблагоприятных обстоятельств, но инструментарий кардинально меняется: вместо жёстких критериев eligibility на передний план выходит сам факт наличия проблемы, а успех измеряется не только экономическими показателями, но и улучшением социальной справедливости, субъективного благополучия и экологической устойчивости [Beyond the Nordic Welfare State, 2026].

Эта теоретическая рамка находит конкретное институциональное воплощение в ряде инициатив, реализуемых на национальном и региональном уровнях. Ключевой координационной площадкой выступает партнёрство «Wellbeing Economy Governments» (WEGo), объединяющее на сегодняшний день шесть национальных правительств: Исландии, Финляндии, Шотландии, Уэльса, Новой Зеландии и Канады [Norwegian Government, 2025; Wellbeing economy governments..., 2025]. WEGo представляет собой коллаборацию, в рамках которой государства-участники делятся экспертизой и трансферабельными политическими практиками, направленными на внедрение подходов, ориентированных на благополучие, в процесс принятия решений [Wellbeing economy governments..., 2025]. В мае 2025 г. в Рейкьявике состоялся Всемирный форум экономики благосостояния (*Wellbeing Economy Forum*), организованный при поддержке Всемирной организации здравоохранения, ОЭСР, ЮНЕСКО и EuroHealthNet. На этом форуме партнёрству WEGo была вручена первая Премия благосостояния (*Wellbeing Prize*), учреждённая президентом Исландии, в знак признания вклада в развитие глобального движения за экономику, ставящую во главу угла человеческое и планетарное благополучие, а не узкий экономический рост [Wellbeing economy governments..., 2025].

Особого внимания заслуживает опыт Финляндии, которая, по оценкам ОЭСР, последовательно продвигает принципы экономики благосостояния на национальном уровне на протяжении уже более десяти лет. Финляндия возглавила обсуждение этой концепции в рамках Совета Европейского союза в 2019 г., инициировав принятие решения о включении экономики благосостояния в национальные и наднациональные политики [OECD, 2023]. В 2023 г. правительство страны утвердило Национальный план действий по экономике благосостояния на 2023–2025 гг., в котором определены пять ключевых направлений: разработка руководящей модели для экономики благосостояния, интеграция мониторинга благополучия в процессы принятия решений на центральном, региональном

и муниципальном уровнях, развитие оценок воздействия и укрепление компетенций, влияние на политику Европейского союза через Европейский семестр, а также усиление инклюзивности [*Finland's National Action...*, 2024; OECD, 2023].

Практическим инструментом реализации этого плана стала модель управления экономикой благосостояния, разработанная Финским институтом здоровья и благосостояния (THL). Модель предлагает механизмы стратегического, ресурсного и основанного на знаниях управления, включая широкий процесс консультаций с гражданами, введение долгосрочных целевых показателей благополучия, а также систему индикаторов для национального мониторинга устойчивого благополучия [*Hiilamo*, 2025; *Governance Model...*, 2025]. Как отмечает профессор-исследователь Хейкки Хииламо, курировавший разработку модели, Финляндия долгое время была пионером в области концепций экономики благосостояния и устойчивого развития, однако до недавнего времени в стране отсутствовали модель управления и мониторинговые индикаторы для балансирования социальной, экономической и экологической устойчивости на национальном уровне [*Hiilamo*, 2025]. Примечательно, что модель была разработана в рамках Программы устойчивого роста Финляндии, финансируемой за счёт инструмента восстановления Европейского союза «Next Generation EU», что свидетельствует о включённости финского опыта в общеевропейскую повестку.

Исландия, другая страна — лидер движения, ввела 40 национальных индикаторов благополучия в качестве официальной части государственной политики, нацеленной на укрепление устойчивости общества и повышение качества жизни перед лицом современных вызовов. Страна также выступила инициатором проведения ежегодного Всемирного форума экономики благосостояния, который в 2025 г. собрал такие ключевые фигуры, как Мариана Маццукато, Кейт Рейворт, Ромина Боарини и Сандрин Диксон-Деклев [*The Wellbeing Economy...*, 2025].

В британском контексте выделяются Шотландия и Уэльс, демонстрирующие различные стратегии институционализации экономики благосостояния. Шотландия, один из основателей партнёрства WEGo, внедряет практику «бюджетирования благополучия» (*wellbeing budgeting*) и развивает концепцию «общественного создания богатства» (*Community Wealth Building*), нацеленную на перераспределение экономической власти и ресурсов на локальном уровне [*Wellbeing economy governments*, 2025]. Уэльс, в свою очередь, в 2015 г. принял Закон о благополучии будущих поколений (*Well-being of Future Generations Act*), который обязывает публичные органы учитывать долгосрочные последствия принимаемых решений, предотвращать системные проблемы, такие как бедность, неравенство в сфере здравоохранения и изменение климата, и действовать совместно с населением и сообществами [*Welsh Government*, 2015].

Важным практическим инструментом, разрабатываемым в скандинавском регионе, является «Банк благополучия» (*The Wellbeing Bank*), создаваемый Институтом счастья в Дании в сотрудничестве с ассоциацией «Østifterne». Этот цифровой инструмент использует метрику WALY (Wellbeing Adjusted Life Years) — годы жизни с поправкой на благополучие, — чтобы помогать лицам, принимающим решения, и поставщикам социальных услуг оценивать интервенции и государственную политику на основе данных о качестве жизни, а не исключительно экономических показателей. Банк основан на датских и скандинавских данных и находится в открытом доступе [*Norwegian Government*, 2025].

Вместе с тем, как убедительно демонстрируют недавние исследования, скандинавская модель экономики благосостояния сталкивается с фундаментальными ограничениями, которые нельзя игнорировать. Доклад «A Beyond-GDP View of Nordic Performance» (The Nordic Council of Ministers)², представленный на COP-29 в Баку в ноябре 2024 г.,

² The Nordic Council of Ministers («Совет министров Северных стран», «Северный Совет Министров»), Королевство Дания признан нежелательной организацией на территории России

содержит во многом неожиданные выводы [*A Beyond-GDP...*, 2024]. В то время как северные страны неизменно входят в число лидеров по показателям социального благополучия и демонстрируют высокие результаты в Индексе переходных процессов Европейской комиссии (Transitions Performance Index), их эффективность в Индексе устойчивого развития (Sustainable Development Index) и показателях экономики «пончика»³ (Doughnut Economy) оказывается значительно более скромной. Каждая из пяти скандинавских стран существенно превышает границы, необходимые для экологической безопасности, особенно если учитывать не территориальные, а потребительские выбросы и экологический след. Как резюмируется в докладе, в то время как их социальные результаты похвальны, экологические проблемы, с которыми сталкиваются все страны Северной Европы, требуют безотлагательного внимания [*A Beyond-GDP...*, 2024].

Это противоречие — между социальной эффективностью и экологической ценой роста — составляет центральную дилемму современной скандинавской модели и одновременно указывает направление для её дальнейшего развития. Переход от *welfare state* к *welfare economy* не является завершённым проектом, а представляет собой процесс поиска институциональных решений, способных разорвать связь между высоким уровнем социальных расходов и растущим экологическим давлением [*Raphael, Hinton, Paulsson et al.*, 2024].

Таким образом, скандинавские страны вносят самостоятельный и значимый вклад в развитие альтернативных экономических доктрин, не сводимый к простому дополнению или продолжению французской или немецкой традиций. Их ключевое отличие заключается в практической направленности на разработку операциональных инструментов — от индикаторов благополучия до моделей управления, — которые делают концепцию экономики благосостояния не просто теоретической конструкцией, а работающим механизмом принятия решений. Вместе с тем, именно скандинавский кейс с наибольшей отчётливостью высвечивает внутреннее противоречие, присущее всем альтернативным доктринам: разрыв между декларируемыми целями социальной и экологической устойчивости и сохраняющейся зависимостью от экономического роста, экологическая цена которого остаётся высокой.

Метатеоретические основания альтернативных доктрин: разрыв с неоклассической парадигмой

При всём институциональном и историко-культурном своеобразии трёх рассмотренных доктрин — французской «экономики качества», сопряжённой с индикативным планированием; немецкой *Gemeinwohl-Ökonomie* и принципа предосторожности; скандинавской модели перехода от *welfare state* к *welfare economy* — при их сопоставлении отчётливо проступает ряд глубинных пересечений. Именно эти пересекающиеся линии и образуют общий эпистемологический фронт, противопоставляющий себя неоклассическому мейнстриму. Наиболее значимое из таких пересечений заключается в последовательном неприятии редукции экономической ценности к рыночной цене. Во французской традиции качество блага не выводится из ценовых сигналов, а конструируется в процессе коллективной координации между производителями, потребителями и регуляторами в пространстве множественных «миров». Немецкая *Gemeinwohl-Ökonomie* идёт ещё дальше, предлагая заменить максимизацию прибыли на многомерный баланс, включающий вклад в социальную справедливость, экологическую устойчивость и демократическое соучастие. Принцип предосторожности вводит в экономический анализ категории, не имеющие ценового эквивалента — здоровье будущих поколений, необратимость экологического ущерба,

³ Экономика «пончика» (Doughnut Economics) — модель, представляющая экономическое развитие в виде пространства между социальным основанием (минимальный набор благ для достойной жизни) и экологическим потолком (планетарные границы), в котором человечество может процветать, не нарушая жизнеобеспечивающих систем Земли.

сохранение биоразнообразия. Скандинавская *welfare economy*, в свою очередь, акцентирует субъективное благополучие и социальную сплочённость как самостоятельные цели политики, не сводимые к материальному потоку ВВП.

Другая общая черта — признание активной, конституирующей роли государства и институтов в формировании рыночных структур. В отличие от неоклассической модели, где государству отведена лишь корректирующая функция «ночного сторожа», французская стратегия «France 2030» предполагает индикативное планирование, создание национальных чемпионов и целенаправленную промышленную политику. Немецкая традиция *Ordnungspolitik* исходит из того, что рынки эффективны лишь тогда, когда они встроены в правовые и нормативные рамки, задаваемые государством. Принцип предосторожности, закреплённый в конституции ФРГ и договорах ЕС, легитимирует превентивное вмешательство даже при отсутствии полной научной определённости — что прямо противоречит неоклассическому требованию взвешивания издержек и выгод на основе достоверных вероятностных оценок. Скандинавские страны с их высоким уровнем доверия к государственным институтам демонстрируют, что активная перераспределительная политика не ведёт к существенным искажениям стимулов.

Третья — и тесно связанная с предыдущей — характеристика состоит в приоритете устойчивости, предосторожности и долгосрочной стабильности над сиюминутной эффективностью. Французская стратегия «France 2030» сознательно жертвует краткосрочной прибылью ради структурной трансформации, требующей крупных инвестиций с длительным горизонтом окупаемости. Немецкий *Vorsorgeprinzip*, как подчёркивает Й. Зандер, изначально разрабатывался как ответ на риски, присущие современному индустриальному обществу, и предполагает принятие превентивных мер даже тогда, когда научное знание о возможных последствиях остаётся неполным. Оливье Реддуле в этой связи прямо заявляет: «неценовая конкурентоспособность является ключевым фактором устойчивости нашего экспорта» [Ferrara, Redoulès, 2025. P. 1]. Это требование вступает в прямое противоречие с неоклассическим подходом, который настаивает на необходимости достоверных вероятностных оценок издержек и выгод перед любым вмешательством [Zander, 2010]. Скандинавские экономики благосостояния, в свою очередь, показывают, что высокий уровень социальных расходов (достигающий 25–30% ВВП) не подрывает долгосрочную эффективность, а напротив, создаёт условия для устойчивого роста за счёт снижения социальной напряжённости и инвестиций в человеческий капитал.

Кроме того, все три доктрины разделяют понимание экономики как социально сконструированной институциональной формы, а не естественного механизма, подчиняющегося неизменным законам. Французская экономика конвенций прямо утверждает, что категории качества, ценности и координации вырабатываются в процессе совместных действий агентов, опирающихся на разделяемые нормы. Немецкий ордолиберализм также настаивает на том, что экономический порядок должен быть сознательно сконструирован государством в виде «рамочного порядка». Принцип предосторожности, закреплённый в праве, представляет собой именно такую институциональную рамку, ограничивающую рыночную свободу во имя коллективно определённых ценностей. Скандинавская модель, основанная на трёхстороннем социальном партнёрстве, также исходит из того, что рынок труда и распределение доходов являются результатом институционального дизайна, а не автоматического равновесия спроса и предложения.

Наконец, важнейшим общим знаменателем выступает институционализация альтернативных критериев успеха, не сводимых к росту производительности или темпам прироста ВВП. Критика валового внутреннего продукта как универсального измерителя общественного благосостояния восходит к классической работе У. Нордхауса и Дж. Тобина, предложивших ещё в начале 1970-х гг. альтернативную «меру экономического благосостояния» (MEW) [Nordhaus, Tobin, 1972]. Однако в отличие от тех ранних попыток, нынешние

Таблица 1

Сравнительный анализ базовых положений: неоклассическая теория и альтернативные европейские доктрины

Крите- рий	Неоклассическая теория (мейнстрим)	Économie de la qualité / Planification écologique (Франция)	Gemeinwohl-Ökonomie / Vorsorgeprinzip (Германия)	Скандинавская welfare economy
Целевая функция	Максимизация по- лезности индивидом; рост ВВП как прокси благополучия	Качество продук- ции и услуг как общественное благо; экологическая устой- чивость	Общее благо; предотвра- щение ущерба; соблюде- ние принципа предосто- рожности	Многомерное благополу- чие населения; снижение неравенства
Природа экономиче- ского роста	Эндогенный рост через накопление ка- питала и технологии; позитивная оценка любой экспансии	Планируемая струк- турная трансформа- ция; декарбонизация как драйвер инно- ваций	Устойчивое развитие; экологическая модерни- зация; баланс предосто- рожности и инновации	Социально-экологически взвешенный рост; отде- ление благополучия от материального потока
Эффективность рынка	Рынки стремятся к равновесию; вме- шательство государ- ства порождает без- возвратные потери	Качество не выво- дится автоматически из конкуренции; требуются стандар- тизация и сертифи- кация	Рынки функционируют лишь в рамках «рамоч- ного порядка»; принцип предосторожности ограничивает рыночную свободу	Рынки дополняются активной социальной политикой и коллек- тивными переговорами; высокая степень доверия снижает транзакционные издержки
Рациональ- ность агента	Homo economicus (совершенная раци- ональность, неза- висимость выбора, стабильные предпо- чтения)	Категории качества конструируются коллективно; агенты действуют в «мирах» с различными логи- ками	Принцип предосто- рожности предполагает решения в условиях неопределённости; не- полнота информации не оправдывает бездействие	Ограниченная рацио- нальность, дополненная нормами солидарности и доверия; предпочтения формируются эндогенно
Временной гори- зонт и неопреде- лённость	Риск просчитываем вероятностно (из- вестное распределе- ние); дисконтирова- ние будущих выгод стандартной ставкой	Риски потери каче- ства при ценовой конкуренции; эколо- гические риски тре- буют коллективного управления	Неопределённость не является основанием для бездействия; прин- цип предосторожности требует превентивных мер даже при неполноте знаний	Долгосрочная устой- чивость (например, пенсионная система, ин- вестиции в человеческий капитал); применение метода сценариев
Роль государ- ства	Минимальное вме- шательство («ночной сторож»); защита прав собственности; исправление «провало- в рынка»	Активное планиро- вание; формирова- ние национальных чемпионов; стандар- тизация и сертифи- кация	Создание «рамочного по- рядка»; законодательное закрепление принципа предосторожности; под- держка сертификации «общего блага»	Предоставление уни- версальных социальных услуг; активная политика занятости; инвестиции в НИОКР и образование
Критерий успеха	Производительность труда, конкуренто- способность, приток капитала, рост ВВП	Неценовая конку- рентоспособность; технологический суверенитет; успеш- ность экологическо- го перехода	Соответствие принци- пу предосторожности; вклад в общее благо; сер- тификация по критериям устойчивости	Индекс человеческого развития, уровень дове- рия, социальная сплочён- ность, экологический след
Институциональ- ные механизмы	Защита прав соб- ственности; незави- симые центробанки; антимонопольное регулирование	Стратегия «France 2030»; система стан- дартизации HQE; индикативное пла- нирование	Сертификация «баланса общего блага»; закрепле- ние принципа предосто- рожности в праве ЕС	Трёхстороннее социаль- ное партнёрство (профсо- юзы, работодатели, госу- дарство); муниципальные эксперименты с wellbeing-бюджетиро- ванием

Источник: составлено авторами.

континентальные доктрины не просто корректируют ВВП, а заменяют саму логику целеполагания. Во Франции это находит выражение в системе сертификации HQE (высокое экологическое качество) и в целевых показателях стратегии «France 2030», ориентированных на декарбонизацию и технологический суверенитет. В Германии разработана и внедряется сертификация «баланса общего блага» (*Gemeinwohl-Bilanz*), оценивающая предприятия по параметрам человеческого достоинства, солидарности, экологической ответственности и прозрачности. Скандинавские страны, особенно Финляндия и Исландия, в рамках партнёрства Wellbeing Economy Governments (WEGo) разрабатывают национальные системы индикаторов, включающие субъективное благополучие, экологический след, уровень доверия к институтам и социальную сплочённость.

Таким образом, разрыв между неоклассическим мейнстримом и рассмотренными альтернативными доктринами проходит не по линии отдельных инструментов политики — напротив, последние могут заимствоваться и комбинироваться. Речь идёт о более глубоком, метатеоретическом расхождении, касающемся самой онтологии экономики: представлений о природе человека (автономный максимизатор полезности против агента, укоренённого в нормах и институтах), о границах рыночной рациональности (формальная калькуляция против субстантивной координации), о соотношении эффективности и устойчивости (краткосрочный оптимум против межпоколенческой ответственности) и о роли государства (ночной сторож против конституирующего порядка). Именно совокупность этих расхождений позволяет утверждать, что в континентальной Европе сегодня формируется не просто набор альтернативных рецептов хозяйственной политики, а качественно иная парадигмальная оптика — от формальной рациональности рынков к субстантивной рациональности институциональной координации.

Для систематического представления эпистемологического разрыва между рассмотренными альтернативными доктринами и неоклассической ортодоксией выше предлагается расширенная таблица, включающая особенности всех проанализированных подходов (табл. 1).

Как следует из табл. 1, разрыв между неоклассическим мейнстримом и альтернативными доктринами проходит не по линии отдельных инструментов политики, а на уровне метатеоретических оснований: представлений о природе человека, роли сообщества, границах рыночной рациональности и соотношении эффективности и устойчивости. Если неоклассика исходит из автономного индивида, максимизирующего полезность независимо от социального контекста, то альтернативные подходы — из укоренённости экономического поведения в социальных нормах, институтах и коллективных представлениях. Если для неоклассики рынок — это механизм, автоматически ведущий к равновесию, то в альтернативной оптике рынок предстаёт как социально сконструированная форма, функционирование которой зависит от качества нормативной среды, стандартизации и координационных механизмов. Наконец, если традиционная парадигма рассматривает экономический рост как самодостаточную цель, то альтернативные доктрины настаивают на том, что рост — лишь средство, подчинённое более широким целям: социальной справедливости, экологической устойчивости и благополучию будущих поколений.

Обсуждение

Полученные в ходе настоящего исследования результаты требуют, на наш взгляд, не только констатации эпистемологического разрыва между континентальными альтернативами и неоклассической ортодоксией, но и более широкой рефлексии относительно того, насколько устойчивы и непротиворечивы сами эти альтернативные доктрины. Ниже мы последовательно останавливаемся на нескольких аспектах, которые, с одной стороны, подтверждают выдвинутую гипотезу о смене парадигмальной оптики, а с другой — показывают внутреннее напряжение и нерешённые проблемы, присущие каждому из рассмотренных подходов.

Одна из центральных проблем, выявленных в ходе анализа, касается совместимости трёх доктрин друг с другом. На первый взгляд, французский акцент на качестве и индикативном планировании, немецкая ориентация на общее благо и принцип предосторожности, а также скандинавский переход от *welfare state* к *welfare economy* образуют достаточно гомогенный фронт критики неоклассики. Однако при более пристальном рассмотрении обнаруживаются и существенные расхождения, способные породить противоречия при попытках выработки общеевропейской экономической стратегии. Так, французское индикативное планирование в духе «France 2030» предполагает целенаправленную селективную поддержку «национальных чемпионов» и стратегических секторов, что чревато обвинениями в протекционизме и дискриминации иностранных (в том числе немецких или скандинавских) производителей. Немецкая *Gemeinwohl-Ökonomie*, напротив, делает упор на децентрализованную сертификацию предприятий по критериям устойчивости, но при этом не предлагает столь же развитых механизмов государственного планирования. Скандинавская модель, в свою очередь, опирается на высокий уровень доверия и развитое социальное партнёрство, что вряд ли может быть механически перенесено на Францию или Германию без учёта различий в культуре переговоров и роли профсоюзов. Таким образом, хотя на уровне метатеоретических оснований перечисленные доктрины и демонстрируют сходство, на практико-политическом уровне их интеграция в единую наднациональную стратегию сопряжена со значительными институциональными издержками.

Следующий важный вопрос заключается в том, в какой степени альтернативные доктрины действительно «разрывают» с неоклассикой, а не адаптируют отдельные её элементы под новую риторику. Критики (в том числе внутри самого гетеродоксального лагеря) могут указать на то, что понятие «неценовой конкурентоспособности», активно используемое французскими экономистами, всё ещё оперирует категорией конкуренции — пусть и не только по цене, но и по качеству. Более того, сам принцип предосторожности в его европейской интерпретации нередко подвергается экономическому анализу «издержек — выгод» (*cost-benefit analysis*) с попытками квантификации рисков, что возвращает нас к неоклассическому инструментарию. Скандинавские индикаторы благополучия, какими бы многомерными они ни были, всё равно требуют агрегирования и сравнения — а значит, воспроизводят логику нормативного выбора, от которой неоклассика якобы ушла в сторону позитивной теории. Это наблюдение не отменяет ценности альтернативных подходов, но заставляет быть осторожными в оценке степени их эпистемологической радикальности. Скорее, речь идёт о постепенном вытеснении одних нормативных ориентиров другими, а не о полном разрыве с экономической теорией как таковой.

Ещё одно обстоятельство, заслуживающее пристального внимания, — это проблема масштабирования и трансфера институтов. Успешная сертификация «общего блага» в городе Ахен или внедрение стратегии «France 2030» на национальном уровне не гарантируют аналогичного эффекта в других странах, особенно тех, где уровень доверия к государственным институтам значительно ниже. Скандинавская модель долгое время рассматривалась как образец сочетания эффективности и равенства, однако её воспроизводство за пределами гомогенных обществ с высокой налоговой культурой сталкивается с серьёзными препятствиями — например, с проблемой уклонения от уплаты налогов, теневой экономикой и политической поляризацией. Таким образом, любая попытка экстраполировать выводы настоящего исследования на страны Центральной и Восточной Европы (Польшу, Венгрию, страны Балтии) должна учитывать значительно более низкие исходные показатели институционального доверия и иную историю хозяйственного регулирования.

Особого внимания заслуживает прогностический аспект. Если согласиться с тем, что в континентальной Европе действительно вызревает «тихая парадигмальная революция», то неизбежно встаёт вопрос о её конечных последствиях для глобальной экономической

мысли. Не исключено, что в ближайшие десять — пятнадцать лет мы станем свидетелями оформления новой синтетической доктрины, которая вберёт в себя элементы качества, общего блага, предосторожности и многомерного благополучия, но при этом сохранит некоторые инструменты неоклассического анализа (например, эконометрическое тестирование гипотез или модели общего равновесия). Одним из наиболее последовательных воплощений такого синтеза выступает постростовая парадигма (*post-growth*), в рамках которой разрабатываются измеримые индикаторы благополучия, учитывающие планетарные границы [Kallis, Hickel, O'Neill et al., 2025]. Такой синтез, однако, потребует преодоления дисциплинарных границ между экономической теорией, правом, социологией и экологией — что, в свою очередь, наталкивается на инерцию университетских учебных планов и систему научного рецензирования. Наблюдаемое сегодня в ряде европейских университетов сближение экономических факультетов с факультетами государственного управления и экологическими школами можно рассматривать как институциональное предвестие этого синтеза, но его окончательное оформление остаётся делом будущего [Fanning, Raworth, 2025].

Необходимо также обозначить ограничения предпринятого исследования. Мы сознательно ограничились тремя кейсами — французским, немецким и скандинавским, оставив за рамками анализа такие страны, как Нидерланды, Австрия, Италия или Испания, где также существуют интересные альтернативные практики (например, экономика гражданского участия в Италии или концепция «круговой экономики» в Нидерландах). Эмпирическая база работы опирается главным образом на программные документы, экспертные обзоры и вторичные источники; количественное тестирование гипотез о влиянии альтернативных доктрин на макроэкономические показатели (темпы роста, неравенство, экологический след) остаётся за рамками статьи и могло бы составить предмет отдельного эконометрического исследования. К тому же мы практически не касались хронологической динамики — вопроса о том, как именно кризисы 2020–2025 гг. трансформировали предшествовавшие дискуссии 2010-х гг. (например, дебаты о «социальной рыночной экономике» или «Европейском зелёном курсе»). Углублённый анализ этой преемственности или разрыва потребовал бы отдельного историко-экономического исследования.

Наконец, из проведённого обсуждения вытекают направления для дальнейших исследований. Они видятся нам, как минимум, в трёх плоскостях, хотя сама классификация здесь носит не жёсткий, а скорее, ориентирующий характер. Речь идёт о сравнительном изучении того, как альтернативные доктрины институционализируются на муниципальном, региональном, национальном и наднациональном уровнях, и какие механизмы координации позволяют избежать «субсидиарной гонки». Далее, необходима разработка операциональных индикаторов многомерного благополучия, которые могли бы быть использованы не только в скандинавских странах, но и в более гетерогенных обществах. И, наконец, требуется эмпирическая оценка фактического воздействия сертификации «баланса общего блага» (Германия) или стратегии «France 2030» на поведение предприятий: снижают ли они выбросы, повышают ли долю инвестиций в НИОКР, ведут ли к перераспределению доходов в пользу работников.

Резюмируя обсуждение, подчеркнём: континентальные альтернативные доктрины представляют собой не единую монолитную теорию, а скорее «семейство подходов», объединённых критикой рыночного фундаментализма и поиском институциональных механизмов учёта неценовых, долгосрочных и коллективных измерений хозяйственной деятельности. Их сильной стороной является укоренённость в реальной политической и правовой практике, чего часто не хватает абстрактным моделям неоклассики. Слабой стороной — фрагментарность, риск протекционизма и нерешённый вопрос о том, как обеспечить согласованность разнородных критериев успеха (качество, общее благо, благополучие) в рамках единой системы управления.

Заключение

Проведённое в рамках настоящей работы исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих положений, касающихся как природы альтернативных экономических доктрин континентальной Европы, так и их места в современной эволюции экономической мысли. Отправной точкой анализа послужила констатация того факта, что серия кризисов 2020–2025 гг. — пандемийного, энергетического, логистико-инфляционного — не просто временно дестабилизировала хозяйственные системы стран Евросоюза, но и обнажила фундаментальную уязвимость неоклассической парадигмы, долгое время служившей теоретическим фундаментом интеграционной модели. Оказалось, что опора на открытость рынков, беспрепятственное движение капиталов и автоматическую самонастройку равновесных механизмов не обеспечивает должной устойчивости перед лицом накладываемых шоков. Более того, за фасадом макроэкономических агрегатов длительное время накапливались структурные диспропорции — отставание темпов роста реальной заработной платы от динамики производительности, сжатие доли труда в добавленной стоимости, хроническая стагнация производительности, — которые в периоды относительного благополучия оставались за рамками политической повестки.

Именно в этом контексте следует рассматривать институциональное оформление трёх альтернативных доктрин, проанализированных в статье: французской «экономики качества» и индикативного планирования, немецкой *Gemeinwohl-Ökonomie* и принципа предосторожности, а также скандинавской модели перехода от *welfare state* к *welfare economy*. Каждая из них, при всей своей национально-исторической специфике, демонстрирует последовательный отказ от ключевых постулатов неоклассического мейнстрима. Общим для них выступает, во-первых, неприятие редукции ценности экономических благ к их рыночной цене: качество, общее благо, экологическая безопасность и субъективное благополучие трактуются как феномены, которые не имеют адекватного ценового эквивалента и требуют коллективных, институционально опосредованных процедур оценивания. Во-вторых, все три доктрины разделяют понимание активной, конституирующей роли государства: оно не ограничивается исправлением «провалов рынка», а формирует сам «рамочный порядок», задаёт стандарты, сертифицирует и через индикативное планирование либо промышленную политику направляет структурные сдвиги. В-третьих, общим знаменателем выступает приоритет долгосрочной устойчивости и предосторожности над краткосрочной эффективностью — причём этот приоритет институционализируется в правовых нормах (как немецкий *Vorsorgeprinzip*), в инвестиционных стратегиях (как «France 2030») и в системах макроэкономического управления (как скандинавские стратегии благосостояния). В-четвёртых, все подходы исходят из того, что экономика есть социально сконструированная реальность, а не естественный механизм, подчиняющийся внеисторическим законам; отсюда — внимание к нормам, доверию, конвенциям и институциональному дизайну. Наконец, в каждой из стран происходит замена традиционных критериев успеха (производительность, приток капитала, рост ВВП) на многомерные индикаторы: неценовую конкурентоспособность, технологический суверенитет, баланс общего блага, уровень социальной сплочённости, экологический след.

Эпистемологический разрыв, фиксируемый в статье, носит не инструментальный, а метатеоретический характер. Речь идёт не о простом дополнении неоклассической модели элементами государственного регулирования — такое дополнение давно практиковалось в рамках кейнсианства или неонституционализма. Континентальные доктрины предлагают иную онтологию экономического: они заменяют модель автономного рационального максимизатора на представление об агенте, укоренённом в социальных нормах и коллективных представлениях; рыночное равновесие уступает место идее

сконструированного порядка; формальная рациональность цен и предельных полезностей замещается субстантивной рациональностью институциональной координации и межпоколенческой ответственности.

Вместе с тем проведённый анализ не позволяет закрывать глаза на риски, сопровождающие реализацию этих доктрин. Как справедливо отмечают эксперты Think Tank EUROPA, либерализация правил государственной помощи и допуск национальных субсидий для поддержки стратегических отраслей создают угрозу фрагментации единого рынка Евросоюза. «Субсидиарная гонка» между государствами-членами способна подорвать тот самый интеграционный потенциал, который десятилетиями выстраивался в ЕС. Кроме того, остаётся открытым вопрос о том, в какой степени альтернативные критерии успеха (общее благо, многомерное благополучие) поддаются операционализации и сопоставлению в рамках наднациональной политики, особенно в условиях сохраняющейся асимметрии экономического развития между северными и южными, западными и восточными странами Союза.

Тем не менее, даже с учётом этих оговорок, авторы считают возможным утверждать: в континентальной Европе сегодня происходит не просто смена набора политических инструментов, а смена доктринальных установок развития экономики, которая повлияет на изменение парадигмы экономической теории. Переход от максимизации ВВП к многомерному благополучию, от автоматизма рынков к их сознательному конструированию, от дисконтирования будущих выгод к принципу предосторожности — эти тенденции составляют содержание того, что в статье было обозначено как «тихая парадигмальная революция». Её последствия будут разворачиваться на протяжении ближайших десяти — пятнадцати лет, и именно от способности европейской экономической мысли и политической практики непротиворечиво соединить национальные институциональные эксперименты с наднациональной координацией будет зависеть, станет ли эта революция источником новой устойчивости или, напротив, усилит центробежные импульсы внутри Евросоюза.

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 6–21. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2.
- Заостровцев А.П. (2026). Крах либеральной модернизации и вызов «русской матрицы» // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45.
- Левин С.Н., Саблин К.А. (2025). Конкурирующие парадигмы в рамках современной политической экономики // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67.
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.
- Тамбовцев В.Л. (2025). Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52.
- Толкачев С.А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3.
- Худокормов А.Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // *Вопросы политической экономики*. № 1. С. 103–125.
- A Beyond-GDP View of Nordic Performance (2024). Demos Helsinki, Norion Consult, IVL Swedish Environmental Research Institute / TemaNord 2024:560. — Copenhagen.
- Beyond the Nordic Welfare State. Extending Social Investments with Interventions (2026) / J. Erola, P. Moisio, J. Peltoniemi (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Boehmer-Christiansen S. (2013). *The Precautionary Principle in Germany — enabling Government*. — London: Taylor & Francis.
- Boltanski L., Thévenot L. (2006). *On Justification: Economies of Worth*. — Princeton: Princeton University Press.
- Bonn — Rundum nachhaltig. (2025). Regionalgruppe «Gemeinwohl-Ökonomie» Köln/Bonn. — Bonn. (In German).
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen G. (1999). *Social Foundations of Postindustrial Economies*. — Oxford: Oxford University Press.
- ETUC Macroeconomic Outlook. (2025). European Trade Union Confederation (ETUC). December. — Brussels.

- Fanning A.L., Raworth K. (2025). Doughnut of social and planetary boundaries monitors a world out of balance // *Nature*. Vol. 646 (8083). Pp. 47–56.
- Ferrara L., Redoulès O. (2025). *French exports: a two-speed competitiveness* / Rexecode — SKEMA Business School Study.
- Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025. (2024). Publications of the Ministry of Social Affairs and Health 2024:5. — Helsinki.
- France 2030: *comprendre le plan d'investissement*. (2024). Gouvernement de la République française. — Paris. (In French).
- Gemeinwohl-Ökonomie — Immobilienmanagement Aachen (2025). Stadt Aachen. — Aachen. (In German)
- Governance Model for the Wellbeing Economy. (2025). Finnish Institute for Health and Welfare (THL). — Helsinki: THL.
- Halkenhäuser N. (2025). *Vorsorge als Prinzip: Beitrag zur Dogmatik des Vorsorgegebots im Unionsrecht*. — Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
- Hiilamo H. (2025). *The Wellbeing of People and Nature as the Goal of National-Level Decision-Making*. — Helsinki: Finnish Institute for Health and Welfare.
- Jany-Catrice F. (2025). La place de l'estimation dans une «économie de la qualité». // *Les règles de la valeur. Les prix et l'estimation au prisme du droit (XVIIe — XVIIIe siècle)* / Sous la direction de F. Jany-Catrice. — Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole. Pp. 259–275. (In French).
- Kallis G., Hickel J., O'Neill D.W., Jackson T., Victor P.A., Raworth K., Schor J.B., Steinberger J.K., Ürge-Vorsatz D. (2025). Post-growth: the science of wellbeing within planetary boundaries // *The Lancet Planetary Health*. Vol. 9(1). Pp. e62–e78.
- Kammer A. (2025). Introductory remarks at the IMF's European Department press briefing // *International Monetary Fund*. October 17.
- Karpik L. (1989). L'économie de la qualité // *Revue Française de Sociologie*. Vol. 30(2). Pp. 187–210. (In French).
- Nordhaus W., Tobin J. (1972). *Is Growth Obsolete?* / National Bureau of Economic Research (NBER).
- Norwegian Government. (2025). *Nasjonal livskvalitetsstrategi (National Quality of Life Strategy)*. — Oslo: Regjeringen. no. (In Norwegian).
- OECD (2023). Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025 and related initiatives. // *Well-being Knowledge Exchange Platform (KEP)*. — Paris: OECD Publishing.
- Raphael R., Hinton J.B., Paulsson A., Koch M., Islar M., Grolimund N. (2024). Postgrowth welfare systems: a view from the Nordic context // *Consumption and Society*. Vol. 3(3). Pp. 395–410.
- Regional Economic Outlook: Europe — *Securing Sustainable Growth*. (2025). International Monetary Fund (IMF). — Washington, DC: IMF.
- The Wellbeing Economy Forum Opens in Harpa Tomorrow* (2025). Reykjavík: Directorate of Health in Iceland.
- Torslov T.D., Foss R.E. (2026). *State aid and the risk of subsidy races in the EU*. — Copenhagen: Think Tank EUROPA.
- Wellbeing economy governments partnership: annual engagement report*. (2025). — Edinburgh: Scottish Government.
- Welsh Government. (2015). *Well-being of Future Generations (Wales) Act 2015*. — Cardiff: Welsh Government.
- Zander J. (2010). *The precautionary principle in EU law*. — Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

- A Beyond-GDP View of Nordic Performance* (2024). Demos Helsinki, Norion Consult, IVL Swedish Environmental Research Institute / TemaNord 2024:560. — Copenhagen.
- Balatskiy E.V. (2025). On the Threshold of a New Paradigm of Economic Science // *AlterEconomics*. Vol. 22. No. 1. Pp. 6–21. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2. (In Russ.).
- Beyond the Nordic Welfare State. Extending Social Investments with Interventions* (2026) / J. Erola, P. Moisio, J. Peltoniemi (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Boehmer-Christiansen S. (2013). *The Precautionary Principle in Germany — enabling Government*. — London: Taylor & Francis.
- Boltanski L., Thévenot L. (2006). *On Justification: Economies of Worth*. — Princeton: Princeton University Press.
- Bonn — *Rundum nachhaltig*. (2025). Regionalgruppe «Gemeinwohl-Ökonomie» Köln/Bonn. — Bonn. (In German).
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen G. (1999). *Social Foundations of Postindustrial Economies*. — Oxford: Oxford University Press.
- ETUC Macroeconomic Outlook. (2025). European Trade Union Confederation (ETUC). December. — Brussels.
- Fanning A.L., Raworth K. (2025). Doughnut of social and planetary boundaries monitors a world out of balance // *Nature*. Vol. 646 (8083). Pp. 47–56.
- Ferrara L., Redoulès O. (2025). *French exports: a two-speed competitiveness* / Rexecode — SKEMA Business School Study.
- Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025. (2024). Publications of the Ministry of Social Affairs and Health 2024:5. — Helsinki.

- France 2030: *comprendre le plan d'investissement*. (2024). Gouvernement de la République française. — Paris. (In French).
- Gemeinwohl-Ökonomie — Immobilienmanagement Aachen (2025). Stadt Aachen. — Aachen. (In German).
- Governance Model for the Wellbeing Economy. (2025). Finnish Institute for Health and Welfare (THL). — Helsinki: THL.
- Halkenhäuser N. (2025). *Vorsorge als Prinzip: Beitrag zur Dogmatik des Vorsorgegebots im Unionsrecht*. — Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
- Hiilamo H. (2025). *The Wellbeing of People and Nature as the Goal of National-Level Decision-Making*. — Helsinki: Finnish Institute for Health and Welfare.
- Jany-Catrice F. (2025). La place de l'estimation dans une «économie de la qualité». // *Les règles de la valeur. Les prix et l'estimation au prisme du droit (XVIIe — XVIIIe siècle)* / Sous la direction de F. Jany-Catrice. — Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole. Pp. 259–275. (In French).
- Kallis G., Hickel J., O'Neill D.W., Jackson T., Victor P.A., Raworth K., Schor J.B., Steinberger J.K., Ürge-Vorsatz D. (2025). Post-growth: the science of wellbeing within planetary boundaries // *The Lancet Planetary Health*. Vol. 9(1). Pp. e62–e78.
- Kammer A. (2025). Introductory remarks at the IMF's European Department press briefing // *International Monetary Fund*. October 17.
- Karpik L. (1989). L'économie de la qualité // *Revue Française de Sociologie*. Vol. 30(2). Pp. 187–210. (In French).
- Khodokormov A.G. (2021). New Data on the «Third Crisis» of Economics // *Issues of Political Economy*. No. 1. Pp. 103–125. (In Russ.).
- Levin S.N., Sablin K.A. (2025). Competing Paradigms within the Framework of Modern Political Economy // *Issues of Theoretical Economics*. No. 4. Pp. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67. (In Russ.).
- Nordhaus W., Tobin J. (1972). *Is Growth Obsolete?* / National Bureau of Economic Research (NBER).
- Norwegian Government. (2025). *Nasjonal livskvalitetsstrategi (National Quality of Life Strategy)*. — Oslo: Regjeringen. no. (In Norwegian).
- OECD (2023). Finland's National Action Plan for the Economy of Wellbeing 2023–2025 and related initiatives. // *Well-being Knowledge Exchange Platform (KEP)*. — Paris: OECD Publishing.
- Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. (2025). Economic Theory of the «Blackboard»: Between Reality and Simulacrum // *AlterEconomics*. Vol. 22, No. 1. Pp. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4. (In Russ.).
- Raphael R., Hinton J.B., Paulsson A., Koch M., Islar M., Grolimund N. (2024). Postgrowth welfare systems: a view from the Nordic context // *Consumption and Society*. Vol. 3(3). Pp. 395–410.
- Regional Economic Outlook: Europe — Securing Sustainable Growth. (2025). International Monetary Fund (IMF). — Washington, DC: IMF.
- Tambovtsev V.L. (2025). Does the New World Economic Order Need a New Economic Theory? // *Issues of Theoretical Economics*. No. 4. Pp. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52. (In Russ.).
- The Wellbeing Economy Forum Opens in Harpa Tomorrow (2025). Reykjavík: Directorate of Health in Iceland.
- Tolkachev S.A. (2025). The Fate of Economic Theory at the Stage of the Global Economic Crisis // *AlterEconomics*. Vol. 22, No. 1. Pp. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3. (In Russ.).
- Torslov T.D., Foss R.E. (2026). *State aid and the risk of subsidy races in the EU*. — Copenhagen: Think Tank EUROPA.
- Wellbeing economy governments partnership: annual engagement report. (2025). Edinburgh: Scottish Government..
- Welsh Government. (2015). *Well-being of Future Generations (Wales) Act 2015*. — Cardiff: Welsh Government.
- Zander J. (2010). *The precautionary principle in EU law*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Zaostrovtssev A.P. (2026). The Collapse of Liberal Modernization and the Challenge of the «Russian Matrix» // *Issues of Theoretical Economics*. No. 2. Pp. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45. (In Russ.).

Толкачев Сергей Александрович

ORCID: 0000-0003-3766-2246

satolkachev@fa.ru

Sergey Tolkachev

Doctor of Economics, Professor, Professor in the Department of Economic Theory, Chief Research Fellow at the Institute of Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

ORCID: 0000-0003-3766-2246

satolkachev@fa.ru

Анисимова Алина Игоревна

ORCID: 0000-0002-4761-1656

aianisimova@fa.ru

Alina Anisimova

PhD in Economics, Assistant Lecturer in the Department of Economic Theory, Junior Research Fellow at the Institute of Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

ORCID: 0000-0002-4761-1656

aianisimova@fa.ru

DOCTRINAL SHIFTS IN ECONOMIC POLICY IN CONTINENTAL EUROPE AS A RESPONSE TO THE CRISIS OF THE NEOCLASSICAL PARADIGM OF ECONOMIC THEORY⁴

Abstract. The article provides a systematic analysis of the formation and conceptual content of alternative economic doctrines that have been institutionalized in continental European countries in response to the cumulative effects of the crises that have unfolded between 2020 and 2025. The empirical background of the study is the successive impact of three shocks: the pandemic shock, the energy shock, and the logistics and inflationary shock. The authors proceed from the hypothesis that the listed events did not simply temporarily destabilize the European economy, but initiated a profound revision of the fundamental postulates of the neoclassical mainstream — in particular, the reduction of economic value to market price, the idea of self-sufficiency. The object of the study is the three most representative cases: the French strategy of “quality economy”; the German concept of “common good economy”; and the Scandinavian model of transition from the “welfare state” to the “welfare economy”. The methodological basis of the work is comparative institutional analysis, supplemented by elements of economic epistemology, which allows us to identify not only differences in the tools used, but also deep-seated metatheoretical discrepancies between the doctrines under consideration and the neoclassical paradigm. Based on the comparative analysis conducted, the metatheoretical foundations of each of the three doctrines have been identified, and an expanded typology of criteria for evaluating economic systems has been proposed. The paper also explicates the risks associated with the implementation of these doctrines, particularly the potential fragmentation of the EU single market and the emergence of a “subsidiarity race” among member states. The conclusion of the article is that what is happening in continental Europe today is not just a change in the set of economic policy instruments, but a more fundamental shift in the paradigm of economic analysis. According to the authors, the transition from maximizing GDP to multidimensional well-being, from the automaticity of markets to their conscious design, and from discounting the future to the precautionary principle are the trends that make up the “quiet paradigm revolution,” whose consequences will unfold over the next ten to fifteen years.

Keywords: *quality economics, common good, precautionary principle, welfare economy, neoclassical orthodoxy, institutional construction.*

JEL: B52, B59, P16, O52, O43.

⁴ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment from the Financial University under the Government of the Russian Federation.